

Першин Юрий Юрьевич

Записки о «гибридной войне».

В настоящем исследовании автор выбрал объектом исследования понятие «гибридной войны/угрозы», которое в настоящее время довольно часто используется различными авторами, зачастую вкладывающими в него различные смыслы. На наш взгляд, это понятие неустойчивое, не поддающееся детальной классификации, но оно теоретически притягательно именно в силу того, что может вместить в себя большое количество смыслов. При значительной регламентации военной сферы в США, подобное размытое понятие является неким «спасательным кругом» для авторов, желающих избежать классификационной работы. Таким образом, понятие исследуется на предмет его первоначального смысла и релевантности использования при описании ведения боевых действий в современных условиях.

Исследование строится на сравнительном анализе оригинальных источников, с помощью которых можно проследить генезис, актуализацию и развитие понятия «гибридная война/угроза».

Новизна исследования состоит, прежде всего, в том, что автор сделал попытку собрать и проанализировать оригинальные источники, в которых зарубежные специалисты употребляли и употребляют понятие «гибридная война/угроза». В исследовании также подвергается сомнению актуальность понятия «гибридная война/угроза», так как оно не содержит (в отличие от конкретных терминов, таких, как, к примеру «химическая война, экономическая война и пр.) указание на область, силы, средства, стратегию и тактику противостояния. Автор исследования приходит к выводу о том, что понятие «гибридная война/угроза» в современной печати не является операциональным, однако несет налет идеологичности.

Понятие «гибридной войны/угрозы» используется в настоящее время довольно часто, однако при близком рассмотрении оказывается, что авторы вкладывают в него различные смыслы и значения. На наш взгляд, это понятие неустойчивое, не поддающееся детальной классификации, но оно теоретически притягательно в силу того, что он может вместить в себя большое количество смыслов. При значительной регламентации военной сферы в США, подобное размытое понятие является неким «спасательным кругом» для авторов, желающих избежать классификационной работы. Следует заметить, что термин «гибридная война / угроза» также является своего рода очередным «интеллектуальным вирусом» (термин Г. Айзенкота, Начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля), разработанным по результатам опыта, полученного в ходе Второй Ливанской войны 2006 г. Такое утверждение также подтверждается тем, что некоторые авторы используют это понятие весьма бездумно, не об-

ращаясь к первоисточникам, демонстрируя подход, который вряд ли можно назвать научным. На наш взгляд, следует обратить внимание на авторов, которые в своих работах, не менее фундаментальных, чем работы их американских коллег, могут описать все возможные комбинации современных методов ведения боевых действий без обращения к модному расплывчатому понятию «гибридная война».

The notion of “hybrid war / threat” is used quite frequently now, but different authors use it in different senses and meanings. We consider this concept to be unstable, not amenable to detailed classification, but it is theoretically attractive because it can contain a large number of meanings. With significant regulation in the military thought in the USA, such abstract concept is a kind of “lifeline” for authors who wish to avoid the detailed classification. We should say that the concept of “hybrid war / threat” is also one more “intellectual virus” (term of Gadi Eizenkot, Chief of General Staff of the Israel Defense Forces), elaborated on the basis of the military experience of the Second Lebanon war (Israel – Hezbollah war of 2006). This statement can also be confirmed by the curious use of this concept by some authors, who are far from a military theoretical thought. We think it is necessary to draw our attention to the authors who does not use misleading terms like notorious “hybrid war”. We also think that all possible combinations of the all modern methods of warfare and confrontation could be described without use of such a new-fashioned and vague term of “hybrid war”.

Ключевые слова: гибридная война; гибридная угроза; гибридный противник.

Keywords: hybrid war; hybrid threat; hybrid enemy.

Вместо актуальности темы.

В средствах массовой информации, которые падки на все, что красиво, таинственно и «круто» звучит, уже некоторое время упоминается понятие «гибридной войны». Словосочетание «гибридная война», не успев приобрести устойчивость, свойственную терминологии (в самом деле, различные авторы дают совершенно разные определения того, что они, или кто-то другой, якобы имеющий к ней непосредственное отношение, подразумевают под «гибридной войной»), успело превратиться в эпитет. «Гибридная война» употребляется по отношению к противнику со скрытым намеком на то, что его «мирная политика» лицемерна, что он ведет боевые действия не совсем честно, не совсем законно(!), лицемерно, склонен к подлости, обману (создается такое впечатление, что авторы, не подозревая о существовании такого знаменитого исторического источника, как трактат Сунь-Цзы «Искусство войны», где одним из достоинств военачальника как раз и являлось умение ввести противника в заблуждение). «Гибридную войну», с одной стороны, объявляют чуть ли не ипостасью третьей мировой войны, приписывая ее начало к событиям и процессу воссоединения Крыма с Россией, и «проискам Путина». С другой стороны утверждается, что элементы «гибридной войны» использовал еще И. В. Сталин, хотя некоторые авторы датируют появление «гибридной войны» временем нескольких веков до нашей эры. Короче говоря, понятие «гибридной войны» в настоящее время представляет собой некую пустую форму, которую каждый желающий наполняет своим смыслом, объясняющим сразу всё, и одновременно, парадоксально, не объясняющим ничего. Именно такое положение вещей и является причиной нашего обращения к этой тематике, в том числе и преимущественно, к первоисточникам, с целью хотя бы отчасти внести в нее ясность.

Первое упоминание концепции «гибридной войны»: Джеймс Н. Мэттис и Фрэнк Г. Хоффман

Военный теоретик подполковник Корпуса морской пехоты США в запасе Фрэнк Хоффман, с именем которого обычно соотносят понятие «гибридная война/угроза», в своей работе “Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars” (Конфликт в XXI веке. Появление гибридных войн) [16], опубликованной в декабре 2007 г. пишет, что концепция «гибридной войны» была впервые озвучена генералом Джеймсом Н. Мэттисом в сентябре 2005 г. на Конференции по обороне, проводимой Институтом ВМС США и Ассоциацией Корпуса морской пехоты. Затем эта концепция была опубликована 8 ноября 2005 г. в статье “Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars” [20]. Авторами этой статьи являются упомянутый генерал-лейтенант Корпуса морской пехоты США Джеймс Н. Мэттис и Фрэнк Хоффман. В статье авторы пишут, что новая Национальная оборонная стратегия выделяет четыре разновидности существующих и вновь возникающих вызовов, представляющих собой значительную опасность.

Традиционные вызовы представляют собой угрозы от государств, обладающих военным потенциалом, силами и средствами для военного противостояния в традиционных (классических) военных конфликтах¹.

Нетрадиционные вызовы исходят от тех, кто использует «нетрадиционные» (необычные) методы противодействия традиционным преимуществам более сильных соперников.

Катастрофические вызовы включают приобретение, хранение, и применение оружия массового уничтожения или методов, применение которых дает эффект, сопоставимый с применением ОМУ.

Разрушительные вызовы могут исходить от противников, которые разрабатывают и используют «прорывные» технологии, чтобы свести на нет текущие преимущества США в ключевых областях деятельности.

Противник, использующий традиционные способы ведения войны, пишут авторы, – это, обычно, государства. И США со своей военной мощью чувствуют себя в таком противостоянии достаточно спокойно. Но логика такого превосходства США над другими позволяет предположить появление государств и негосударственных акторов, которые не будут пользоваться традиционными средствами введения войны. Для достижения превосходства они могут искать какие-нибудь возможности, неожиданные сочетания технологий и тактики. Таким образом, одной из задач становится изучение сущности и поведения возможного противника, использующего нетрадиционные способы ведения войны, а также укрепление своих позиций в противостоянии с ним и другими подобными противниками. Появление такого «нетрадиционного» противника, использующего нетрадиционные методы и средства ведения войн, очень вероятно. Сами же нетрадиционные способы ведения боевых действий – терроризм, организация беспорядков, война без правил (нелимитированное насилие), партизанская война, насилие и беспредел наркопреступности – становятся все более распространенными и изощренными и бросают вызов интересам безопасности США в глобальном масштабе. Такой «нетрадиционный» противник старается получить преимущество во времени и месте действия, а не играть по правилам, которые ему навязывают. Он старается аккумулировать эффект нескольких тактических действий, усилить его через средства массовой информации, ведя информационную войну для ослабления решительности США. Это и есть, по мнению авторов, наиболее вероятный противник США в будущем.

Но каждый конфликт будущего, убеждены авторы, не будет вестись вероятным противником строго в соответствии с одной из тех четырех угроз, определенных новой Национальной оборонной стратегией. Они считают, что будущий противник будет рассматривать эти четыре разновидности угроз как своеобразное меню, из которого он будет избирать наиболее эффективное сочетание приемов и тактик. Таким образом, США столкнутся не с четырьмя отдельными угрозами, а с их сочетанием – это новый подход к ведению боевых

¹ Для уточнения названий вызовов, указанных в Национальной оборонной стратегии США 2005 г. использовались материалы статьи Сизова В. Ю. [3]

действий – слияние, синтез различных способов и средств ведения войн. Именно этот беспрецедентный синтез авторы назвали «гибридной войной». В гибридной войне, пишут авторы, США могут противостоять какому-либо несостоятельному/недееспособному государству, которое потеряло контроль над своим биологическим оружием, при этом оно ведет борьбу с этническими незаконными вооруженными формированиями и многочисленными радикальными террористами. Или это может быть противостояние с остатками вооруженных сил страны-изгоя, которые могут использовать обычное оружие новым, необычным образом. Это также могут быть неожиданные и проводимые каким-либо необычным образом нападения военизированных групп, поддерживающих кого-либо из негосударственных акторов, на жизненно важную инфраструктуру или транспортную сеть. Это могут быть также иные формы экономической войны или сетевые атаки, оказывающие разрушающее информационное воздействие на компьютерные системы военных или экономических объектов.

Авторы также пишут, что в будущих войнах, с которыми придется столкнуться США, не следует делать упор только на технологии. Следует готовить людей к тому, что генерал Чарльз Ч. Крулак называл «трехблочной войной». Эта конструкция довольно проста: «первый блок» – стойко сражаться, «второй блок» – оказание гуманитарной помощи, «третий блок» – разведение воюющих сторон. Дж. Н. Мэттис и Ф. Хоффман расширяют эту концепцию, вводя «четвертое измерение» – «четвертый блок». Его содержание – психологическое и информационное противодействие. «Четвертый блок» – это пространство, в котором противники не могут находиться физически, но могут общаться и размещать сообщения. Таким образом «трехблочная война» усилиями авторов становится «четырёхблочной войной». Она привносит в понимание ситуации противостояния в Ираке нечто новое. Повстанческие движения имеют своей подосновой войну идей, и идеи, предлагаемые США, должны быть конкурентоспособными с идеями, предлагаемыми их противниками. Действия ВС США в трех «блоках» нужны для завоевания авторитета и установления хороших отношений с населением и его правительством. Таким образом, в объеме каждого из блоков присутствует еще и компонент информационного противостояния. Он способствует расширению информационного присутствия США и его влияние на население в противовес искаженной идеологии и ненависти, которые предлагают повстанцы. Успешные информационные операции помогают гражданскому населению понять и принять то лучшее будущее, которое ему предлагают [20].

Фрэнк Хоффман: знакомьтесь, гибридная война.

В самой же работе “Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars” (2007 г.) [16] Ф. Хоффман разворачивает идеи относительно «гибридной войны/угрозы», высказанные им и Дж. Н. Мэттисом в статье “Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars” (2005 г.). Здесь Хоффман вкратце описывает теорию войн

четвертого поколения, компаундную (многосоставную, смешанную, комплексную), неограниченную войну (война без границ).

Мы приходим к выводу, пишет Хоффман, что в будущем мы столкнемся не с рядом противников, каждый из которых избирает какой-нибудь один, нетрадиционный или иной, способ противостояния, а с противниками, которые одновременно сочетают все способы противостояния, которые проявляются в виде мультимодальных (смешанных) или гибридных войн. «Гибридная война» – это сочетание смертоносности межгосударственного конфликта с фанатичностью постоянно тлеющей партизанской войны (*irregular warfare*)¹. Понятие «гибридная» относится как к их организации, так и к применяемым в них средствам. Организационно они могут иметь иерархическую политическую структуру в сочетании с децентрализованными элементами или сетевыми тактическими подразделениями. Средства противостояния, которые они избирают, также будут гибридными по форме и применению.

В подобного рода конфликтах, пишет Хоффман, будущие противники (государства, спонсируемые государством группировки, или самофинансируемые субъекты) будут иметь доступ к современным военным потенциалам, в том числе к шифровальным командным системам, переносным ракетным установкам и другому современному летальному вооружению, а также оказывать поддержку повстанческим движениям, использующим засады, применяющим самодельные взрывные устройства (СВУ), насилие и убийства. Это могут быть государства, применяющие сочетание высокотехнологического оборудования, такого, как противоспутниковое оружие, с терроризмом и кибервойнами, направленными против финансовых организаций. В конфликтах будут участвовать гибридные организации, такие как Хизбалла и ХАМАС, использующие целый набор разнообразных возможностей. Кроме того, государства могут придать своим регулярным вооруженным силам статус нерегулярных военизированных формирований и применить новую тактику, как это сделали фидайны в Ираке в 2003 году.

В таких конфликтах, пишет Хоффман, нам будут противостоять крупные государства, способные применять скрытые и косвенные средства нападения. Эта форма противостояния будет характерна коварством и жестокостью, постоянной импровизацией и масштабной организационной перестройкой. Такая война не будет обычной, низкоинтенсивной или короткой, она будет бесконечной. Гибридные войны полиморфны по своей природе и их могут вести как государства, так и негосударственные субъекты, они также включают в себя различные способы ведения войн.

Гибридные войны, по Хоффману, сочетают в себе целый ряд различных режимов ведения войны, включая применение традиционных, нестандарт-

¹ Термин *irregular warfare* может быть переведен как война, ведущаяся нетрадиционными способами (нетрадиционная война). Возможно, это не очень удачный перевод, и одним из вариантов перевода, применительно к данной ситуации, был бы: *война, в которой участвуют негосударственные военные (военизированные) структуры*. Однако иногда встречается перевод терминов *regular warfare* и *irregular warfare* как «правильная война» и «неправильная война».

ных/нетрадиционных тактик и негосударственных (нерегулярных) военизированных формирований, организацию террористических актов с использованием неизбирательного насилия и принуждения, а также криминальных беспорядков. Подобная деятельность, имеющая множество форм, может осуществляться различными подразделениями, или даже одним подразделением, но, как правило, оперативно и тактически управляемым в координации с другими подразделениями, действующими на основном ТВД для достижения синергетического эффекта. Такие эффекты могут быть достигнуты на любом уровне ведения БД. [16, Р. 29]

Во многих войнах участвуют как регулярные подразделения, так и нерегулярные. Однако (в классическом варианте) регулярные и нерегулярные подразделения ведут боевые действия на различных ТВД или имеют совершенно разную структуру. В случае гибридных войн разница между такими подразделениями размывается. В то время как они операционально интегрированы и тактически спаяны, нерегулярная составляющая сил противника имеет задачу не просто содействовать продлению конфликта, спровоцировать неадекватную реакцию обороняющейся стороны или увеличить расход ее сил и средств на обеспечение своей безопасности, но и пытается играть решающую роль в противостоянии. В отличие от компаундных войн, целью мульти-модального подхода не является пофазовое усиление противостоящей противнику силы или подготовка обычных вооруженных сил для решающего сражения. Напротив, гибридный противник стремится к победе путем слияния/синтеза нетрадиционной тактики и наиболее эффективного вооружения для проведения наступления и достижения своих политических целей. Разрушительный эффект гибридной войны является не следствием применения высококлассных или революционных технологий¹, а следствием преступной активности внутри определенного государства, направленной на его ослабление путем организации беспорядков, и таким образом поддержания разрушительных усилий гибридного агрессора. Целью такой деятельности может быть затяжной конфликт с применением широкого набора тактик противостояния для истощения, ослабления или разгрома противостоящей стороны, придерживающейся традиционной тактики ведения боевых действий.

Таким образом, по словам Хоффмана, концепция гибридной войны опирается на несколько теоретических подходов. Из теории 4GW (войны четвертого поколения) она заимствует понятие размытости конфликтов и потери монополии государства на насилие. Понятия всеобъемлемости и комбинирования заимствованы у китайских аналитиков. От Дж. Аркиллы и Т. Хаммеса она взяла понимание значительной роли сетевой структуры. Из теории компаундных войн теория гибридной войны заимствовала преимущество сочетания традиционности и нетрадиционности (правильности и неправильности), но на более

¹ На наш взгляд, здесь Ф. Хоффман делает отсылку к тому факту, который был подмечен рядом военных теоретиков, в том числе и Начальником Генштаба ЦАХАЛ Гади Айзенкотом, когда высокое техническое превосходство и применение высоких технологий не способствовали победе Армии освобождения Израиля над Хизбаллой.

низких и взаимосвязанных уровнях. От австралийской теоретической школы концепция взяла понимание возросшей сложности и дезагрегированности оперативной обстановки, а также видение противника как гибкого, умеющего быстро приспособливаться к изменяющейся обстановке и находить альтернативные решения субъекта.

По мере развития концепции гибридной войны, пишет Хоффман, наиболее серьезное влияние на нее оказали идеи «войны с открытым исходным кодом» (Open Source Warfare, по аналогии с Open Source Software), высказанные экспертом по терроризму Дж. Роббом, который указал на возрастающую уязвимость современных городских комплексов. Не менее серьезное внимание на концепцию Хоффмана, по его признанию, оказали работы профессора Джорджтаунского университета Брюса Хоффмана, указавшего на возрастающее значение повстанческого движения в городских условиях. Он выявил растущую тенденцию использования повстанцами конвенционального вооружения повышенной летальности, при этом они ведут боевые действия не вступая в непосредственное соприкосновение с противником, это то, что он называет «дистанционный мятеж» [15]. В такого рода противостояниях повстанцы применяют современные средства, в том числе самодельные взрывные устройства (СВУ), улучшенные боеприпасы, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), а также высокоточные управляемые ракеты для того, чтобы вести боевые действия на возможно большем удалении от противоповстанческих сил. Помимо этого, как британские, так и американские военные теоретики указывают на значительную роль преступных группировок, контрабанды, распространения наркотиков в зоне современного конфликта.

Дальнейшие исследования.

После разработки концепции гибридной войны и ее первой публикации в 2005 году, пишет Ф. Хоффман [16, Р. 31], некоторые авторы и военные аналитики пришли к аналогичным выводам. Те из них, кто работает в аппарате Министерства обороны США и составляют четырехлетний прогноз Министерства обороны США, выразили сожаление о том, что феномен гибридной войны не полностью документирован и изучен, а ведь именно он, как они полагают, будет представлять для интересов США значительную угрозу. Политические эксперты из аппарата Министерства обороны США в настоящее время, пишет Хоффман, занимаются анализом предыдущего четырехлетнего прогноза Министерства обороны США и оценивают важность будущих конфликтов в условиях сложных нетрадиционных войн или гибридных конфликтов. Ключевые военные теоретики также признают смешанный или размытый характер будущих конфликтов. Те из них, кто хорошо разбирается в истории, замечают, что хотя будущее очень трудно предсказать, существуют четкие тенденции и тренды, которые дают понимание того, что будет завтра. К примеру, профессор Университета Бристоля Колин Грей в своей книге "Another Bloody Century: Future Warfare" нехотя признал, что в этом веке в отношении будущих конфликтов «мы можем с уверенностью предсказать дальнейшее размытие категорий, при-

меняемых в военной сфере» [13]. Разведывательное сообщество США также направило определенные усилия на изучение концепции гибридной войны. После того, как Центр критических угроз и возможностей реагирования (СЕТО) организовал брифинги и опубликовал отчеты по этому проекту, были инициированы исследования природы «разрушительных вызовов». Начальник аналитической группы Национальной разведки по изучению будущих конфликтов оценил потенциальную сложность и возможности гибридного подхода и опубликовал хорошо воспринятый документ об эффективности указанного подхода. Другие аналитики (Д. Флинн, М. Дж. Варроу) продолжают изучать китайскую концепцию «неограниченной войны». Китайские военные теоретики ведут свои исследования конфликта будущего, они приняли концепцию «народной войны», в которой используются различные средства, от низко- до высокотехнологичных, а в процесс ведения боевых действий вовлекается как гражданское население, так и инфраструктура невоенного назначения. И эти исследования заслуживают внимания [16, Р. 32].

Британские и австралийские военные теоретики, пишет Хоффман, начали скрупулезно изучать последствия применения потенциальным противником гибридной тактики и возможности эффективного противостояния гибридным угрозам. Англичане пошли дальше американцев и уже включили гибридные угрозы в доктрины по ведению нетрадиционных/иррегулярных войн. Остаются передовыми исследования австралийских аналитиков в этой области. Теоретики, находящиеся на самых передовых позициях в изучении альтернативных методов ведения войн и их последствий, заняты изучением «размытости» и «смешанности» различных типов конфликтов [16, Р. 32]. Джон Аркилла, эксперт в тактике нетрадиционной/партизанской войны и сетевых организаций, пришел к выводу, что сетевые структуры с успехом доказали свою способность вести войну наравне с государственными структурами. Таким образом, возможности сетевых структур охватывают весь спектр возможных конфликтов, демонстрируя перспективу размывания границ между повстанческим/партизанским движением, терроризмом и ведением войны [4]. Другие американские и международные военные теоретики из Колледжа ВМС США в Ньюпорте, Род-Айленд [23] и Королевского колледжа в Лондоне [5] восприняли концепцию гибридной войны и расширили ее. Макс Бут, партнер колледжа Франклина В. Олина в Совете по международным отношениям недавно завершил свое продолжительное исследование современных войн и военных технологий, заявив, что границы между традиционной и нетрадиционной войной размываются. Даже негосударственные структуры все больше получают доступ к таким видам вооружений, которые ранее были исключительной прерогативой государств. И даже государства все больше начинают обращаться к нетрадиционным способам ведения боевых действий для того, чтобы снизить преимущества американской военной мощи [7, Р. 472].

Завтрашние конфликты, пишет Хоффман в заключение обзора военных теоретических разработок по теме гибридной войны, невозможно просто типологизировать, на традиционные и нетрадиционные, взяв за основу способ веде-

ния боевых действий. Многочисленные аналитики признают стирание границ между способами ведения войны во всех измерениях: размывается граница между государственными (регулярными) вооруженными силами и негосударственными (нерегулярными) военизированными формированиями, военными и гражданскими людьми, размываются границы между реальными и виртуальными измерениями конфликтов [16, Р. 33]. Как заметил М. Эванс по поводу будущих конфликтов, вооруженный конфликт стал представлять собой ошеломляющее сочетание способов противостояния (традиционного и нетрадиционного), когда воюющие при ведении боевых действий одновременно используют современный автомат Калашникова, архаичное мачете и сверхсовременный смартфон [10].

«Хизбалла» как прототип гибридного противника

Ф. Хоффман пишет [16, Р. 35], что для описания примера современных гибридных противников следует рассмотреть ряд исторических примеров. Так, первыми можно рассмотреть ирландских повстанцев, подразделения которых в 1919-1920 гг. имели традиционную организацию в виде милиции, в действиях которой сочетались также терроризм и внедренческие разведывательные операции. Они использовали тактику летучих отрядов, тактику ведения боевых действий в городских условиях, которая применялась как в своей стране, так и за рубежом, а также использовали свои диаспоры в Англии и США. Также был, пишет Хоффман, подробно изучен опыт афганских моджахедов и чеченских боевиков, а также балканский опыт эпохи распада Югославии. В этот период среди европейских военных теоретиков распространились идеи о появлении новых типов войн. Однако, при заметном изменении подоплеки войн – переходе от идеологии к стремлению к национальной идентичности – действительно нового в этих конфликтах ничего не было. Во всех случаях фиксировалась применение традиционных и нетрадиционных тактик ведения боевых действий, террористических актов наряду с активностью криминальных групп. Однако, утверждает Хоффман, в них отсутствовала многомерность, операциональная интегрированность или использование информационной сферы на том уровне, на каком она используется сегодня, или предположительно будет использоваться завтра. Эти случаи представляют собой в лучшем случае первое поколение гибридного противника, или гибридной угрозы, его самые ранние прототипы.

Изучение гибридных противников продолжалось на Ближнем востоке, оно приняло новое направление во время войны между Израилем и Хизбаллой летом 2006 года [16, Р. 35]. Это, по мнению Хоффмана, прекрасный пример современного гибридного противника. Хизбалла под руководством своего лидера шейха Хасана Насраллы показала такие боевые качества, силы и средства, которые присущи государственной военной структуре, к примеру, она использовала тысячи управляемых и неуправляемых ракет малой и средней дальности. Этот пример демонстрирует возможности негосударственных структур обнаруживать и анализировать слабые стороны вооруженных сил, организованных по западному стандарту. Для достижения своих оборонительных целей, пишет

Хоффман [16, Р. 36], Хизбалла успешно реализовала собственные оперативные и тактические наработки, чему способствовали, во-первых, принятие израильскими военными ошибочных стратегических концепций и, во-вторых, недоработки разведывательных структур. Применяемая Хизбаллой тактика и соответствующие технологии для многих оказались неприятным сюрпризом, способствовавшим эффективности боевых действий Хизбаллы и склонившим на ее сторону общественное мнение. Замкнутый круг принципа «действие в сфере технологий рождает противодействие» стар, как мир, но теперь, как оказалось, надо очень серьезно его учитывать¹. На актуальность изучения этого короткого и незаконченного конфликта обратили внимание не только американские исследователи. Он стал объектом исследования и других аналитиков, пишет Хоффман [16, Р. 36], которые сделали заключение, что успех Хизбаллы в войне с Израилем летом 2006 года является важным прецедентом, case study, обязательным для подробнейшего изучения [8]. Это действительно так, пишет Хоффман, аморфная Хизбалла представляет собой образец гибридного противника в гибридной войне. Этот конфликт в южном Ливане выявил серьезные недостатки в организации Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ), что также послужило уроком и для американских военных аналитиков. Сочетая организованное политическое движение и сеть децентрализованных ячеек-подразделений, используя адаптивную тактику в условиях отсутствия центрального управления, Хизбалла показала, что она может не только нести потери, но и наносить серьезные потери. Её высокодисциплинированные, хорошо обученные, разбитые на ячейки силы противостояли современным вооруженным силам, используя сочетание партизанской тактики и технологий в тесных городских кварталах. Бойцы Хизбаллы, также как и джихадисты в Фаллудже в Ираке в апреле и ноябре 2004 года, умело использовали городские условия, устраивая засады и избегая обнаружения, а также строили мощные оборонительные сооружения в непосредственной близости от гражданского населения.

Израильские военные, пишет Хоффман [16, Р. 37], принимающие непосредственное участие в боевых действиях, неохотно признавали, что бойцы Хизбаллы в бою проявляли упорство и умение. Они были совершенно неуловимы и целенаправленно смешивались с гражданским населением и использовали гражданскую инфраструктуру. Сопrotивление, которое встречали подразделения ЦАХАЛ, было на несколько порядков серьезнее, чем при проведении ими контртеррористических операций на Западном берегу или в Секторе Газа. Уровень тактической, физической и боевой подготовки бойцов Хизбаллы, а

¹ Гай Бен-Ари, сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне в комментарии CSIS написал, что несмотря на постоянно поддерживаемое Израилем технологическое превосходство своих вооруженных сил над соседними странами, противники Израиля, как государства, так и негосударственные акторы, не имея производственной базы и при нехватке технологий, нашли у ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля) «ахиллесову пяту». Все «передовое» вооружение Хизбаллы было поставлено из Сирии и Ирана, и тем не менее, оно было очень эффективно применено, несмотря на огромное технологическое и производственное преимущество Израиля. См.: Ben-Ari G. Technological Surprise and Technological Failure in the Current Lebanon Crisis. Commentary. Center for Strategic and International Studies. Washington, D.C. July 25, 2006. Url: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/060725_benari_commentary.pdf

также уровень технического оснащения был гораздо выше. Один из военнослужащих ЦАХАЛ, капитан Ханох Дауб, которого процитировал Грег Маир, заметил, что Хизбалла, постоянно обучаясь, превратилась в настоящую партизанскую армию [22].

Эти выводы верны не только относительно сухопутных войск, считает Хоффман. Хизбалла показала, как может выглядеть гибридная война, применив противокорабельные крылатые ракеты С-802, а также РСЗО, и это должно быть актуальной проблемой для аналитиков из ВМС и ВВС. Заслуживают внимания и комбинации тактических приемов и технологические новинки, которые применяли бойцы Хизбаллы. В частности, неожиданностью для израильтян оказались ПТУРК, которые применяла Хизбалла против бронетехники ЦАХАЛ и оборонительные позиции в сочетании с тактикой децентрализованных групп. В сражении при Вади Салуки колонна израильских танков была остановлена бойцами Хизбаллы с помощью ПТУРСов с высокоточным наведением. Противотанковое вооружение Хизбаллы включало в себя гранатомет РПГ-29 российского производства, ПТРК АТ-13 Метис с дальностью стрельбы полтора километра, и ПТРК АТ-14 Корнет российского производства с дальностью стрельбы пять с половиной километров с противотанковыми ракетами, наводящимися по лазерному лучу. ПТРК АТ-13 и АТ-14 показали себя грозным оружием для первой линии танков ЦАХАЛ Меркава Mk IV. Были повреждены 18 танков Меркава и, по подсчетам израильских военных, из общего количества потерь ЦАХАЛ сорок процентов бойцов погибли в результате применения Хизбаллой ПТРК. Более того, Хизбалла запустила несколько ударных беспилотников и ЦАХАЛ пришлось приложить усилия для их уничтожения. Это беспилотники иранского производства Мирсад-1 или Абабиль-3 «Ласточка». По сообщениям некоторых источников, в распоряжении Хизбаллы осталось более двадцати подобных аппаратов, которые имеют встроенную систему навигации по GPS, дальность полета 450 километров и способны нести 50 килограмм боевой нагрузки, что, по мнению израильских военных, представляет собой определенную проблему. Есть свидетельства того, пишет Хоффман [16, Р. 38], что Хизбалла пыталась противостоять средствам радиоразведки и некоторое время отслеживала сигналы мобильных телефонов ЦАХАЛ, а также есть неподтвержденные сообщения о том, что Хизбалла смогла расшифровать переговоры, ведущиеся ЦАХАЛ по защищенной радиосвязи системы SINCGARS, работающей на принципе скачкообразной перестройки частоты. Война за доминирование в информационном пространстве была также важна, как обмен ударами и отважная оборона поселений на юге Ливана. Хизбалла проводила впечатляющие информационные операции на всех уровнях. До этой войны в Интернете никто никогда не показывал в режиме реального времени суровую реальность боевых действий¹, наступление и отступление израильских войск в южном Ливане, до-

¹ Ф. Хоффман приводит слова Марвина Кальба, который анализирует противостояние Израиля и Хизбаллы в информационном пространстве и считает, что Хизбалла выиграла, прежде всего, информационную войну (См.: Kalb M., Saivetz C. The Israeli-Hezbollah War of 2006: The Media as a Weapon in Asymmetrical Conflict. Faculty

ма и деревни, разрушенные в результате авианалетов, стариков, бесцельно бродящих по обломкам своих домов, за которыми вереницами тянутся дети, обнимающие потрепанных кукол, израильские самолеты, атакующие аэропорт Бейрута, ракеты Хизбаллы, падающие в северном Израиле и Хайфе – все это транслировалось напрямую с места событий, как будто мир занял зрительские места в первом ряду в этом театре – кровавой современной войне.

Утверждения о том, что Хизбалла одержала победу над Израилем, пишет Хоффман [16, Р. 38], представляются сомнительными со строго военной точки зрения. Позже лидер Хизбаллы шейх Х. Насралла заметил, что если бы он знал о том, как Израиль будет реагировать, то он не дал бы приказа о вылазке и похищении израильских военнослужащих. Но одно оказалось несомненным: авторитет ЦАХАЛ был ослаблен, а Хизбалла, похоже, вышла из конфликта более идеологически привлекательной. Израилю не удалось разбить поддерживаемую Ираном Хизбаллу и проиграл стратегическую битву предпочтений. А она сумела воспользоваться политическими выгодами своего раздутого прессой ограниченного тактического успеха. Она за короткий срок потеряла значительную часть, если не все свои возможности наносить удары и потратила огромное количество своих противотанковых ракет. Израиль смог нанести большие потери самой идеологически мотивированной и обученной части Хизбаллы. Большинство расчетов показывают, пишет Хоффман [16, Р. 39], что Хизбалла потеряла от 500 до 600 бойцов, а Израиль – четверть от этой цифры, отчасти благодаря значительной поддержке ВВС и артиллерии. ВВС ЦАХАЛ совершили около 19 тыс. вылетов, применив по 7 тыс. целям почти 20 тыс. бомб и 2 тыс. ракет. Помимо этого артиллерия и тяжелые минометы выпустили почти 125 тыс. снарядов и мин. Но совершенно очевидно, что разведка ЦАХАЛ была провальной, как и их стандартная боевая подготовка и логистика.

Настоящее преимущество Хизбаллы, считает Хоффман [16, Р. 39], заключается не в использовании технологий, а в том, что она может позволить себе роскошь подготовить будущую зону боевых действий и отработать тактические приемы для одного, хорошо знакомого противника. Действия бойцов Хизбаллы в децентрализованных ячейках, их подготовка и упорство окупались сторицей. Они были готовы вступать с ЦАХАЛ в заранее подготовленный ближний бой, они были готовы нести потери для нанесения потерь противнику. Израилю за свое вторжение пришлось заплатить большую цену РСЗО и ПТРК Хизбаллы. Со стороны Хизбаллы по израильским силам с 12 июля по 13 августа было выпущено свыше 4100 ракет, причем наибольшее количество – 250 ракет, рекордное количество за один день – было выпущено в последний день войны. Большинство из них не обладали точностью, и имели небольшую дальность, но они показали свою эффективность не только в боевом отношении, но и в медийном, заставив власти эвакуировать население нескольких поселений на севере Израиля. Отставной офицер Ральф Петерс, который посетил Ливан во время бое-

вых действий, отмечает, что Хизбалла продемонстрировали впечатляющую гибкость, полагаясь на способность боевых подразделений-ячеек в случае необходимости быстро собираться вместе для проведения конкретных операций, или действовать автономно в окружении противника, используя заранее заложенные в схроны запасы оружия и боеприпасов[24].

Такие организации, как Хамас, пишет Хоффман [16, Р. 39], уже начали подражать Хизбалле. По сообщениям еженедельника *Jane's Defence Weekly*, Хамас получил в свое распоряжение ПТРК AT-5 Spandrel (ПТРК Конкурс), а также несколько ПЗРК SA-7 Grail (9К32 Стрела-2). Хамас уже удивил многих, применив в октябре 2007 года улучшенный вариант РСЗО. Похоже, замечает Хоффман [16, Р. 40], повстанческие группировки эволюционируют и обмениваются между собой опытом. Судя по публикациям на Интернет-сайте Хамас, это активно обучающаяся организация, которая старается перенять успешный опыт Хизбаллы. Сотрудники Международного института по противодействию терроризму (Израиль) перевели некоторые из публикаций про операции Хизбаллы с этого сайта, отметив, что уникальность Хизбаллы, по сравнению с другими военными организациями, использующими партизанскую тактику, в том, что она, во-первых, является первым движением сопротивления, имеющим боевые возможности регулярной армии в рамках партизанской войны, и во-вторых, это первое нерегулярное вооруженное повстанческое формирование, имеющее на вооружении стратегическое оружие. Конечно, пишет Хоффман [16, Р. 40], Хизбалла во многом выигрывает от поставок оружия и помощи советников из Ирана, а также, возможно, из других стран. Но, тем не менее, нельзя приуменьшать опасность. Все сказанное может дать достаточно информации для понимания относительной цены вторжения в Иран, которое потребует применения сухопутных войск.

Перенять опыт Хизбаллы, пишет Хоффман [16, Р. 40], хотят не только транснациональные организации. В Сирии, к примеру, (статья написана Хоффманом в 2007 году) по некоторым сообщениям, считают, что опыт Хизбаллы стоит изучить. Там, предположительно, сейчас активно закупают тактические ракеты и проводят тренировки спецназа, обучая его действиям в городских условиях и партизанской тактике. По данным израильских источников, в Сирии формируются дополнительные подразделения спецназа. Сирия наблюдала за тем, с какими трудностями столкнулась ЦАХАЛ во время ведения боевых действия в поселках на юге Ливана и теперь, в случае войны с Израилем, если таковая случится, сирийские военные хотят вести боевые действия на заранее подготовленной территории, где они будут иметь преимущество, приводит Хоффман мнение одного из израильских офицеров.

Американским военным, считает Хоффман [16, Р. 41], тоже не мешало бы изучить Хизбаллу как прототип эффективного гибридного противника, как это, помимо прочих специалистов, предлагает упомянутый выше Р. Петерс. ЦАХАЛ уже попробовала применить ряд американских концептуальных подходов в военной сфере, но малоуспешно, что сводит на нет усилия США по продвижению программ повышения технологичности и предпочтительных

стратегических концепций. Генерал в отставке Элиас Ханна писал, что война между Израилем и Хизбаллой была не просто партизанской войной с привычной тактикой, а изобретенной смесью из нескольких «ливанизированных» тактик ведения войны [14]. Ограниченность существующей западной, или американской военной доктрины и стратегических концепций, предлагающих технократические решения и «дистанционной войны», пишет Хоффман [16, Р. 41], вполне очевидны. Для решения этой возникающей проблемы, несомненно, необходимы новые концепции и тактические решения. Можно переоценить силу Хизбаллы, и не заметить, что Израиль тоже был противостоящей стороной этого соревнования. Это взаимодействие стратегий и потенциалов двух противников, которое отражено Клаузевицем в аналогии с дуэлью, в конечном счете, является мерой стратегической и операциональной эффективности. Комиссия Винограда¹ обнаружила значительное количество ошибок, допущенных военным и политическим руководством Израиля во время второй Ливанской войны. В предварительном докладе, опубликованном комиссией, был представлен подробный анализ процесса принятия решений и взаимодействия между военными и гражданскими властями во время конфликта. Комиссия обнаружила недостатки в процессе обработки информации, содержании информации, направлении информационных потоков и в процессе принятия стратегических решений. Комиссия также сделала заключение, что решение на немедленное применение артиллерии и авиации было принято вне какого-либо общего стратегического плана, или хотя бы какого-либо военного плана [28].

Действия Хизбаллы подтверждают появление новой тенденции и указывают на новую потенциальную опасность, пишет Хоффман [16, Р. 41]. Её подразделения-ячейки с высокой дисциплиной, хорошо обученные могут противостоять современным регулярным вооруженным силам применяя смесь партизанской тактики с высокими технологиями в условиях тесных городских улиц. Вторая Ливанская война дает будущим противникам полезный живой опыт того, как небольшая организация джихадистов смогла успешно противостоять одной из сильнейших и опытнейших регулярных армий в мире, используя инновационное сочетание партизанской тактики и современного оружия. Западные военные концепции, такие, как «шок и трепет», «размытая война» оказываются неэффективными против таких гибридных угроз и их релевантность в противостоянии с любым противником остается сомнительной². Если изучить этот конфликт объективно, пишет Хоффман [16, Р. 42], то как израильским, так и американским военным теоретикам повезло узнать хотя бы это, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Если подвести итог приведенным нами размышлениям Ф. Хоффмана по поводу гибридной войны/угрозы, то мы приходим к очевидным выводам: вме-

¹ Правительственная проверочная комиссия Элиаху Винограда, утвержденная премьер-министром Израиля Эхудом Ольмертом, с 17 сентября 2006г. занималась расследованием действий военного и политического руководства Израиля во время второй Ливанской войны.

² Здесь Ф. Хоффман приводит цитату из книги Йедидии Гролл-Йффри (См.: Groll-Yaari Y., Assa H. Diffused Warfare: the Concept of Virtual Mass. Haifa: Reuven Chaikin Chair in Geostrategy, University of Haifa, 2007).

сто множества угроз с фундаментально различными способами ведения боевых (традиционным и нетрадиционным или террористическим), Запад, по Хоффману, может столкнуться с противником, который может использовать *все формы войны и различные тактики, причем все одновременно*. Активность криминальных элементов также, по мнению Хоффмана, является частью этой проблемы, так как она служит большей дестабилизации местных органов власти и содействует повстанцам/нерегулярным вооруженным формированиям посредством снабжения их ресурсами, проводя подрывные действия, расшатывающие государственную власть и законность. Исходя из такого понимания войны, с которой столкнулся Запад, и с которой еще придется ему столкнуться, Хоффман дает свое понимание гибридных войн, которые, по его мнению, *могут вестись государствами или политическими группами включающий в себя целый спектр различных режимов ведения войны, в том числе конвенциональные силы и средства, нетрадиционную тактику и формирования, террористические акты, включая неизбирательное насилие и криминальные беспорядки* [16, Р. 58].

Гибридные угрозы: pro et contra. Pro.

Концепция гибридной войны в течение последующих нескольких лет завоевала себе как сторонников, так и противников. Сторонники, помимо упомянутых самим Хоффманом, старались творчески развить концепцию, очевидно надеясь на то, что новая концепция сможет каким-то образом упрочить позицию США в текущих и будущих конфликтах.

К примеру, М. Бонд, развивая теорию Хоффмана, полагает, что войны XXI века будут гибридными, в них будут участвовать все структуры государственной власти по всему спектру их деятельности: от операций по достижению стабильности и безопасности, проведению реформ до вооруженного противостояния [6, Р. 4]. Парадигма гибридной войны, пишет М. Бонд, требует нового подхода к использованию вооруженных сил США в масштабной войне, противостояние в которой варьируется от сугубо мирных гуманитарных миссий, применяемых в качестве превентивных мер, до традиционных военных операций с применением традиционных стратегий ведения боевых действия и послевоенной стабилизации обстановки и восстановления экономики, когда безопасность и мирное существование являются результатом экономического процветания и политического статуса.

Ведение гибридной войны, по М. Бонд, предусматривает *применение большого разнообразия сил и средств*: сочетания военной деятельности, снабжения ресурсами, реализации программ, предназначенных для максимально ненасильственного, но убедительного экономического и политического давления на недружественные правительства, политические движения, имеющие целью реформирование этих правительств или их замену в условиях политической, социальной и экономической нестабильности, характерной для несостоятельных государств.

Гибридная война также включает в себя использование всего спектра возможностей военной разведки, поставки нетрадиционного (в том числе неле-

тального) оружия, переброску вспомогательных подразделений и оборудования, которые могут быть немедленно применены в случае, если оппозиционные элементы регулярных ВС или нерегулярные силы (повстанцы, террористы или другие негосударственных субъекты) проявят открытую враждебность и станут представлять собой непосредственную угрозу, в том числе и указанной невраждебной деятельности [6, Р. 4].

Джон МакКуэн также дает свою интерпретацию гибридной войны, заявляя, что гибридные конфликты представляют собой *войны с применением полного спектра сил и средств, как в физическом, так и в концептуальном измерении*. Первые – это борьба против вооруженного противника, а последние – широкомасштабная борьба за дружественное настроение со стороны местного населения и приобретение его поддержки в зоне ведения боевых действий с целью осуществления контроля над ним, а также борьба за сохранение своей внутренней безопасности и за поддержку международного сообщества. Для обеспечения безопасности и стабилизации обстановки в местах проживания местного населения, силы вторжения должны немедленно установить или восстановить безопасность, необходимые службы, местное управление, силы самообороны и необходимые элементы экономики [21]. Хотелось бы обратить внимание на то, что МакКуэн, рассуждая о гибридной войне, фактически определяет ее через другой термин – это *война с применением полного спектра сил и средств* (full spectrum operations), и это провоцирует вопрос: для чего необходимо введение нового понятия гибридной войны?

Дискуссии о природе «гибридной угрозы» и «гибридных войн» привели к определенному результату: определение «гибридной угрозы» было уточнено и в согласованном варианте принято на конференции по гибридным войнам, проводимой Объединенным командованием (ОК) ВС США 24 февраля 2009 г. Это уточненное определение приводится Р. Гленном в следующей формулировке: гибридная угроза (1): любой противник, который одновременно и применительно к ситуации использует в оперативном боевом пространстве сочетание традиционных, нетрадиционных средств, терроризм и преступные организации. Гибридная опасность или гибридный противник может представлять собой не единого субъекта, а сочетание государственных и негосударственных субъектов [12]. Гибридная угроза (2): Противник, который одновременно и применительно к ситуации использует сочетания (1) политических, военных, экономических, социальных и информационных средств, и (2) конвенциональных (традиционных), нетрадиционных, террористических и подрывных / преступных способов ведения военных действий, а также ведение боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий. Гибридная угроза может представлять собой сочетание государственных и негосударственных субъектов

¹ Там же [12] Р. Гленн пишет, что он дал это определение в работе Glenn R. W. Evolution and Conflict: Summary of the 2008 Israel Defense Forces-U.S. Joint Forces Command “Hybrid Threat Seminar War Game”. Santa Monica, CA: RAND, TBP, 2009. Этот документ, по его словам, закрыт для общего пользования, однако здесь он дает расшифровку того, что значит «ведение боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных

Очевидно, что приведенные мнения специалистов ценны тем, что в них авторы излагают свое видение концепции гибридной войны, творчески дополняя его. Однако такие дополнения и расширения концепции имеют обратную сторону. Дело в том, что понятие «гибридный» как раз предполагает и требует такого расширения, подразумевая своеобразный «коктейль» из различных способов и тактик ведения боевых действий, причем, чем больше «ингредиентов», тем «гибриднее» война. Петри Хуовинен в своем исследовании [19, Рр. 47-49] сделал попытку сравнить различные концепции – концепцию компаундной (многосоставной, смешанной, комплексной) войны (compound warfare), концепцию гибридной войны (hybrid warfare) и концепцию военных операций полного спектра (full spectrum operations). Оказалось, что последние концепции практически полностью совпадают в аспекте применяемой тактики, сил и средств. Концепция компаундной войны отличается от концепции гибридной войны всего лишь по двум пунктам: ведение кибервойны и привлечение автономных негосударственных структур. Однако, замечает Хуовинен, примером компаундной войны является Вьетнамская война, когда еще не было такого понятия, как кибервойна (несмотря на то, что автономные и полуавтономные негосударственные структуры в это время, и ранее, существовали и могли принимать участие в боевых действиях). И если бы во время Вьетнамской войны киберпространство существовало, то его обязательно включили бы в одну из сфер противостояния в компаундной войне (заметим, что информационная и идеологическая война в то время все же велись). Таким образом, Хуовинен, возможно не желая того, показывает всю курьезность ситуации: гибридная война существует, потому что существует компаундная война и военные операции полного спектра. Он делает выводы о том, что *гибридная война* входит в понятие *компаундная война*, являясь её тактическим уровнем, а *компаундная война*, в свою очередь, входит в понятие *военных операций полного спектра*. Отсюда, по Хуовинену, как гибридная, так и компаундная война полностью входят в концепцию военных операций полного спектра. Автор также признается, что он полностью согласен с результатами исследования Счетной Палаты США по поводу гибридной войны (оно будет рассмотрено далее). Но следует заметить, что такое его согласие – это, фактически, мнение не pro, а contra.

Гибридные угрозы: pro et contra. Contra.

Из критиков концепции гибридной войны следует обязательно упомянуть Р. Гленна [12], который обвиняет концепцию Ф. Хоффмана в недостатке убедительности. Вновь вводимое понятие, конечно же, может и должно стимулировать дискуссии специалистов для лучшего понимания характера современной войны. Однако гибридная война является концепцией, суть которой лучше опи-

бедствий». Это «любая природная или техногенная катастрофа, в том числе и террористический акт, повлекшие за собой чрезвычайно высокую смертность среди населения, разрушения инфраструктуры, ущерб окружающей среде, экономике, общественной морали и органам государственного управления» (См.: Joint Publication 1-02, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. Washington, D.C.: Joint Chiefs of Staff, November 8, 2010 с исправлениями от 15 февраля 2016 г., с. 28).

сана в терминах других концепций, и Хоффман, как это показал пример исследования П. Хуовинена, фактически «плодит сущности». В заочной полемике с Гленном Хоффман пишет, что нельзя запретить человеку думать, и если бы таких концепций, типа «гибридной угрозы/войны» и «адаптивного противника» в конце 90-х годов было больше, то американская теоретическая мысль избежала бы некоторых абсурдных концепций ведения боевых действий [17]. Тем не менее, Р. Гленн считает, что «гибридная война/угроза» как концепция является слабой и не достигающей уровня формальной доктрины [12].

Д. Садовски и Дж. Беккер [25], в свою очередь, совершенно правомерно замечают, что слишком узкое определение «гибридности» упустит важные черты того, что описывается, а слишком широкое определение ничего не определит. В случае с «гибридной угрозой» попытка определить «гибридность» ведет к смешению концепций. Вместо определения «гибридной» угрозы, по их мнению, Хоффман предлагает формулировку, которая, фактически, описывает весь спектр военных операций (full spectrum operations) и не содержит ничего определенного, поэтому опять возникает вопрос: «и что же в «гибридной» угрозе нового»? Д. Садовски и Дж. Беккер считают, что положительной чертой определения «гибридной» угрозы по Хоффману, является то, что оно констатирует ее сложность и многокомпонентность. Однако недостатком этого определения является то, что оно не дает представления о том, какие силы и средства должны быть задействованы в гибридной войне и каким образом они должны быть использованы для борьбы с «гибридной» опасностью. Авторы предлагают свое понимание военных действий, говоря о существовании двух разновидностей или подходов: «материального» (material) и когнитивного (cognitive). В соответствии с первым подходом, превосходство над противником в материальных силах и средствах является решающим, и с его помощью происходит уничтожение, захват, силовой физический контроль противника или принуждение его к капитуляции. «Когнитивная» разновидность боевых действий подразумевает превосходство «разума над материальным», т.е. воздействие на волю и психику противника: это психологическое давление, введение в заблуждение, переубеждение, подрывная деятельность. Здесь происходит вмешательство в психические процессы, манипуляция чувствами, убеждениями, эмоциями, поведением, решениями.

Концепция любого военного теоретика, в том числе и концепция «гибридности» военной угрозы, по мнению Д. Садовски и Дж. Беккера, может быть описана в терминах смешения/сочетания существующих подходов/разновидностей ведения боевых действий. При этом степень привлечения каждой разновидности ситуативна [25].

Б. Флеминг, которого вряд ли можно отнести к критикам Ф. Хоффмана, пишет, что историк Т. Хубер, который в 1996 году ввел термин «компаундной» (многосоставной, смешанной, комплексной) войны, описав феномен совместного ведения боевых действий регулярными и нерегулярными силами и подразделениями (что фактически совпадает с идеей Хоффмана о совместном проведении боевых операций государственными и негосударственными военными

структурами), определяет этот термин как «систематическое и целенаправленное объединение регулярных и нерегулярных сил» [18, Рр. VII, 91]. При этом в личной переписке с Б. Флемингом Т. Хубер, понимая, что его определение «компаундной войны» аналогично определению «гибридной войны» Хоффмана, указывал на то, что последнее является новым определением для старого феномена [11, Р. 16]¹.

А. Эчеваррия считает, что в случае «гибридной угрозы» важна не терминология, а сама идея, которая своим появлением иллюстрирует концептуальные недостатки военной мысли США. Огромное количество определений «войны», по его мнению, является показателем того, что, во-первых, авторы концепций еще не пришли к пониманию войны как войны, а не сражения «с большой буквы», а во-вторых, американская военная мысль испытывает трудности с холистическим видением войны как явления многогранного и динамичного [9, Р. 25].

Концепция гибридной войны и дискуссии вокруг нее имели большой резонанс, и в 2010 году Счетная Палата США, которая является верховным аудиторским органом Конгресса США и проводит проверки и аналитическую исследовательскую работу, провела расследование, объектом которого стало понятие «гибридная война» [26]. В отчете по результатам расследования, которое проводилось с января по сентябрь 2010 года, было указано, что оно было инициировано из-за употребления понятия «гибридная война» высокопоставленными военными, что могло иметь последствия для качества стратегического планирования Министерства обороны США. Счетной Палате предстояло исследовать: (1) дало ли Министерство обороны США определение гибридной войне и как гибридная война отличается от других типов войн, а также (2) степень, в которой Министерство обороны США применяет это понятие в своих основных документах стратегического планирования. В результате очень серьезного расследования (были опрошены представители тринадцати организаций, входящих в структуру МО США) на широком фактическом материале было установлено, что *МО США не дало определения гибридной войны и в ближайшее время не собирается этого делать, так как оно не считает гибридную войну новым типом войны*. Помимо этого в организациях, входящих в структуру МО США, в понятие гибридной войны вкладывают различные смыслы. К примеру, по словам офицеров из командования ВВС США, гибридная война это более эффективный и сложный вариант нетрадиционной (иррегулярной) войны. Однако в ГУ СпН МО США не используют понятие «гибридная война», утверждая, что

¹ Б. Флеминг дает ссылку на свою переписку с Томасом Хубером (Author's discussion with Dr. Thomas Huber, 30 November 2010, Fort Leavenworth, Kansas), а также пишет, что Т. Хубер, критикуя Ф. Хоффмана, считает, что тот, выводя свою концепцию «гибридной войны» из концепции «компаундной» войны, дает ей неверную характеристику и даже опошляет ее. Ссылка на комментарии Т. Хубера (Huber Th. Huber Comments on Hybrid Warfare and Compound Warfare. CGSC Blog response. Fort Leavenworth, KS. 12 February 2009. Url: <http://usacac.army.mil/blog/blogs/hist/archive/2009/02/12/huber-comments-on-hybrid-warfare-and-compound-warfare-for-dmh-faculty-and-others-interested.aspx>), дана в работе Б. Флеминга [11]. Хизбалла, по мнению Т. Хубера, это повстанцы, которые используют новые технологии, но у них нет обычных вооруженных сил, чтобы вести смешанные войны.

современной доктрины традиционной и нетрадиционной (иррегулярной) войны вполне достаточно, для описания уже существующей и будущей оперативной обстановки.

Несмотря на то, что определение «гибридной угрозы/войны» в согласованном варианте было принято на конференции по гибридным войнам, проводимой ОК ВС США 24 февраля 2009 г., «гибридная война» не является официальным термином, одобренным МО США. Тем не менее, в ряде документов стратегического планирования МО США были обнаружены ссылки на концепцию гибридной войны, хотя «гибридная война» не была включена в доктрину Министерства обороны. К примеру, по сообщениям чиновников аппарата Министерства обороны США понятие «гибридный» было использовано в четырехлетнем прогнозе Министерства обороны США в 2010 году для привлечения внимания к возрастающей сложности будущего конфликта, к необходимости ВС США быстро адаптироваться и перестраиваться в изменяющейся обстановке, но не для введения нового типа войны. Командование видов ВС США и ОК ВС США также иногда используют понятие «гибридный» в документах стратегического планирования для того, чтобы определить, как каждое из них может ответить на современные и будущие вызовы, такие, как кибер-угроза. Но там, где это понятие используется, вместе с ним и вместо него часто используется термин «военные операции полного спектра». В ответе на указанное исследование МО США выразило свое полное согласие с его результатами[27].

Компетентное мнение.

Если задаться целью и просмотреть хотя бы пару десятков статей в Интернете, посвященных теме гибридной войны, то создается впечатление, что компетентного мнения по этому поводу не существует, но существует модное словосочетание, которое употребляется авторами, зачастую вкладывающими в него свой смысл, очевидно, для демонстрации своей продвинутой. На гибридную войну списывают всё, от гражданской войны на востоке Украины до перебранок пользователей в сети. Не будет удивительным, если скоро и драки болельщиков из различных стран на чемпионатах по футболу тоже объявят проявлением гибридной войны. Однако компетентные мнения по поводу гибридной войны существуют, и скорее относятся к разряду скептических. К примеру Р. В. Арзуманян в своей монографии «Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий» [1] ставит точки над *i* во многих вопросах, касающихся «гибридности». Как и асимметрия или нелинейность, пишет Р. Арзуманян, *гибридность на самом деле является свойством явления как такового. Гибридность, как и асимметрия или нелинейность, не является чем-то исключительным в стратегической истории, но типичным свойством соперничества.* Как следствие, в фундаменте стратегической теории гибридности появляются фатальные трещины, когда невозможно выделить отчетливо

гибридные вызовы и угрозы, войны, стратегии, стили военных действий и пр. *Гибридность оказывается разлита везде*, что делает сложным создание концепции, которая была бы аналитически полезной [1, С. 250]. Иными словами, гибридность как синтез в применении противниками различных сил, средств и тактик в большей или меньшей степени присутствует в каждой войне, как комплексном явлении, и исходя из этого, концепция гибридной войны Ф. Хоффмана совершенно бесполезна. Она, по мнению Р. Арзуманяна, оказывается чересчур широкой и включает различные типы военных действий, террористические методы, неразборчивое насилие и принуждение, в том числе и криминальное. В своем исследовании предмета гибридных войн Хоффман правильно отмечает ошибки и заблуждения ряда альтернативных концепций и усилий по категоризации конфликтов, например, войн четвертого поколения, новых войн, неограниченной войны. Тем не менее, убеждая в достоинствах гибридного подхода, Хоффман и другие указывают неправильный путь концептуализации войн. Концепция гибридной войны, с одной стороны, оказывается чересчур инклюзивной, чтобы быть аналитически полезной. С другой – подталкивает к некоторой эксклюзивности, чтобы оправдать предикат «гибридный», позволяющий справиться со сложностью исторической реальности [1, С. 263]. Указанная чрезмерная инклюзивность концепции гибридной войны говорит о том, что критерием, идентифицирующим войну как гибридную, может быть всё что угодно, поэтому, на наш взгляд, можно согласиться с Р. Арзуманяном в том, что не существует научных критериев, которые позволили бы идентифицировать войну как гибридную или утверждать, что речь идет о революции в военном деле [1, С. 265]. О революции в военном деле применительно к концепции гибридной войны действительно, говорить не приходится, так как, к примеру, М. Бонд считает, что элементы гибридной войны применялись еще в войне между Египтом и Вавилоном в VI в. до нашей эры [6, Р. 16].

Приведем еще один пример. В. А. Владимиров [2] в своей работе «Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них» наряду с традиционными, нетрадиционными (в которые включено оружие, основанное на новых физических и других принципах, а также нелетальные средства поражения), пишет о «невоенных средствах насилия», или, перефразируем, невоенных средствах ведения войны. Невоенные средства насилия, пишет автор, это совокупность социальных институтов (организаций), правовых норм, духовных ценностей, информации и технических систем общего назначения, используемых государством для воздействия на внутренние и внешние отношения с целью укрепления военной безопасности страны, решения политических, экономических и иных проблем в противоборстве с другими государствами. К невоенным средствам насилия относятся политико-дипломатические, правовые (международные и внутригосударственные), экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные, разведывательные, технологические, а также общественная (неправительственная) оборона. Эти средства обычно применялись, применяются и, вероятно, в будущем так и будут применяться в совокупности, создавая кумуля-

тивный (системный) эффект. Из приведенной цитаты хотелось бы эксплицировать и подчеркнуть мысль о том, что все упомянутые В. А. Владимировым современные способы ведения боевых действий и противостояния всегда *применяются в совокупности, каждое там, тогда и в той мере, где, когда и в какой мере это необходимо*. Собственно, это и есть основной признак «гибридности»: совокупность и гармоничность в сочетании применения всех имеющихся сил, средств и тактик для победы над противником. Чем разнообразнее, искуснее и гармоничнее сочетание применяемых воюющей стороной способов ведения боевых действий и противостояния, тем больше преимуществ она имеет. А на войне, писал Ксенофонт в «Киропедии», любое преимущество – одновременно и спасение, и справедливость, и счастье. Таким образом, на наш взгляд, попытка введения Ф. Хоффманом нового понятия и новой теории – это неудачная попытка системного подхода, который дает, в терминах А. Эчеваррия, холистическое видение войны как явления многогранного и динамичного, с чем, по его мнению, американская военная мысль испытывает трудности [9, Р. 25].

Заключение.

Мы произвели только небольшой экскурс в историю первого упоминания гибридной войны Джеймсом Н. Мэттисом и Фрэнком Хоффманом, приведя довольно обширные выдержки из их работ, и показали, что у этого понятия, как у понятия нового, есть динамика развития. Мы также рассмотрели пример ведения гибридной войны, представленный Ф. Хоффманом, на примере Израильско-Ливанской войны 2006 г.

Рассмотрев аргументы за и против привлечения понятия гибридная война для характеристики современных конфликтов и войн, мы пришли к заключению, что феномен гибридности не является чем-то новым и за ним не стоит новый тип войны. Более того, он не является официальным термином, одобренным МО США и применяющимся в документах стратегического планирования.

Авторы, которые в отличие от американских теоретиков (перефразируя А. Эчеваррию) не испытывают трудностей с холистическим видением войны, склонны к тому, чтобы понимать любую войну как гибридную в силу гармоничного и совокупного применения противниками всех сил и средств в нужное время в нужном месте для достижения кумулятивного эффекта. Именно поэтому понятие гибридной войны получается слишком широким, чтобы быть операциональным и аналитически полезным, отсюда концепция гибридной войны Ф. Хоффмана представляется достаточно бесполезной, а выделение гибридной войны как отдельного типа войны может ввести в опасное заблуждение (надемся, что не отечественных) военных теоретиков. Однако, понятие *гибридная война* пригодно для обвинения противника в изощренном коварстве и нечестности.

Авторы, разрабатывающие теорию гибридной войны Мэттиса-Хоффмана, вложили в это понятие гораздо больше смысла, чем это сделали «отцы-основатели» этой теории. Однако при ближайшем рассмотрении этой теории, расширенной ее последователями до максимальных размеров, становится оче-

видно, что ничего нового в теории и понятии гибридной войны нет. Любая война, вследствие обязательных попыток применения воюющими сторонами всех имеющихся в их распоряжении сил, средств и способов ведения боевых действий, обязательно является гибридной. Это – свойство любой войны. Поэтому актуальным, на наш взгляд, является не изобретение понятия *гибридная война* и наполнение его содержанием (в него при желании можно поместить всё), а определение топологии будущего противостояния.

Список литературы

1. Арзумян Р. В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСО-иП, 2015. 334 с.
2. Владимиров, В. А. Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – Том 4. – № 2. – С. 99-134.
3. Сизов В. Ю. «Национальная оборонная стратегия США – 2008: итоги или перспективы?» [Электронный ресурс] / В. Ю. Сизов // «Россия и Америка в XXI веке». – № 1. – 2009 г. Url: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=129>
4. Arquilla J. The End of War as We Knew It? Insurgency, Counterinsurgency and Lessons from the Forgotten History of Early Terror Networks // Third World Quarterly. – Vol. 28. – No. 2, The Long War: Insurgency, Counterinsurgency and Collapsing States. – 2007. Pp. 369-386.
5. Betz D. A Real Revolution in Military Affairs. Paper delivered at the Marine Corps Training and Education Command Conference, “Pedagogy for the Long War,” – Quantico, VA. – October 29-31. – 2007. (Цит. по Hoffman F. G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.)
6. Bond M. S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007. 25 p.
7. Boot M. War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History, 1500 to Today. New York, NY: Gotham Books, 2006. 624 p.
8. Cohen A. Knowing the Enemy: How to Cope with Global Jihad [Электронный ресурс] / A. Cohen // Policy Review. – No. 145. – October/November 2007. Url: <http://www.hoover.org/research/knowning-enemy>
9. Echevarria II A; Antulio J. Preparing for One War and Getting Another? Carlisle Barracks, Pa: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, September 2010. 38 p.
10. Evans M. From the Long Peace to the Long War: Armed Conflict and Military Education and Training in the 21st Century. Canberra: Australian Defence College. Occasional Paper No. 1, 2007. P. 6.

11. Fleming B. P. The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art. Fort Leavenworth, Ks: School of Advanced Military Studies, 2011. 85 p.

12. Glenn R. W. Thoughts on “Hybrid” Conflict [Электронный ресурс] / R. W. Glenn // Small Wars Journal – 2009. – March 02. Url: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>

13. Gray C. S. Another Bloody Century: Future Warfare. London, UK: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 320 p.

14. Hanna E. Lessons Learned from the Recent War in Lebanon [Электронный ресурс] / E. Hanna // Military Review. – September-October 2007. – Vol 87. – Issue 5. – p. 86. Url: <http://usacac.leavenworth.army.mil/CAC/milreview/English/SepOct07/hannaengseptoct07.pdf>

15. Hoffman B. The ‘cult of the insurgent’: its tactical and strategic implications [Электронный ресурс] / B. Hoffman // Australian Journal of International Affairs. – Vol. 61. – No. 3. – September 2007. – Pp. 312-329. Url: <http://dlx.booksc.org/34800000/libgen.scimag34808000-34808999.zip/browse/10.1080/10357710701531503.pdf>

16. Hoffman F. G. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.

17. Hoffman F. G. Further Thoughts on Hybrid Threats [Электронный ресурс] / F. G. Hoffman // Small Wars Journal – 2009. – March 02. Url: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/further-thoughts-on-hybrid-threats>

18. Huber T. M. Compound Warfare: A Conceptual Framework // Compound Warfare: That Fatal Knot. Thomas M. Huber, ed. Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College Press, 2002. 319 p.

19. Huovinen P. Hybrid warfare – Just a Twist of Compound Warfare. Views on warfare from the United States Armed Forces perspective. Department of Military History. April 2011. 55 p. Url: http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/74215/E4081_HuovinenKPO_EUK63.pdf

20. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars [Электронный ресурс] / J. N. Mattis, F. G. Hoffman // US Naval Institute Proceedings Magazine. – November 2005. – Vol. 132/11/1,233. – Pp. 18-19. Url: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>

21. McCuen J. J. Hybrid Wars [Электронный ресурс] / J. J. McCuen // Military Review. Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center. – March-April 2008. – Pp. 107-113.

22. Myre G. Israel’s Wounded Describe Surprisingly Fierce, Well-Organized and Elusive Enemy [Электронный ресурс] / G. Myre // New York Times. – August 12. – 2006. Url: http://www.nytimes.com/2006/08/12/world/middleeast/12soldiers.html?_r=0

23. Owens M. Th. Reflections on Future War [Электронный ресурс] / M. Th. Owens // Naval War College Review. – Summer 2008. – Vol. 61. – No. 3. Url:

<https://www.usnwc.edu/getattachment/5cc31ca6-a3f7-41a3-8401-b792242d321b/Reflections-on-Future-War---Owens,-Mackubin-Thomas>

24. Peters R. Lessons from Lebanon: The new model terrorist army [Электронный ресурс] / R. Peters // Armed Forces Journal. – October, 2006. URL: <http://armedforcesjournal.com/lessons-from-lebanon/>

25. Sadowski D., Becker J. Beyond the “Hybrid” Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare [Электронный ресурс] / D. Sadowski, J. Becker // Small Wars Journal – 2010. – January 7. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/344-sadowski-et-al.pdf>

26. United States Government Accountability Office: Hybrid Warfare, GAO-10-1036R. Washington, DC, USA: USGAO, 2010 (September 10). 26 p. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/gao/d101036r.pdf>

27. United States Government Accountability Office: Hybrid Warfare, GAO-10-1036R, Enclosure II: Comments from the Department of Defense. Washington, DC, USA: USGAO, 2010 (September 10). 26 p. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/gao/d101036r.pdf>

28. Winograd Commission: Interim Report (April 30, 2007). URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/winograd.html>

Статья опубликована:

Першин Ю. Ю. Записки о «гибридной войне» // Вопросы безопасности. — 2016. - № 4. - С.63-85. DOI: 10.7256/2409-7543.2016.4.19510.

URL: http://e-notabene.ru/nb/article_19510.html